

Дарья Гранд

Жот,
КОМУ Я
ПОВЕРИЛА

18+

ИСТОРИЯ О ДОВЕРИИ, КОТОРОЕ

Дарья Гранд

Тот, кому я поверила

<https://litres.ru/74321777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Плохое прошлое и не самое спокойное настоящее.

Кира однажды уже сбежала от человека, который следил за ней и постепенно превращал её жизнь в ловушку.

Новый город, новое окружение, новая работа. Всё начинается сначала. Но спустя время привычные вещи вдруг кажутся немного неправильными. В собственной квартире появляется странное ощущение чужого присутствия.

Усталость? Паранойя? Или Кира действительно что-то упускает?

А потом в двери появляется записка, от которой всё внутри сжимается.

Не понимая, откуда ждать следующего удара, Кира неожиданно находит защиту рядом с человеком, которого совсем не собиралась впускать в свою жизнь.

И пока она пытается понять, действительно ли прошлое настигло её снова, становится ясно: самое опасное в этой истории ещё даже не началось.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Тот, кому я поверила

Глава

Глава 1. Слишком много кофе и людей (Кира)

Я проснулась не от звука, а от ощущения, будто в комнате есть кто-то ещё.

Не движение, не дыхание, а именно присутствие.

Тяжёлое, плотное — как взгляд, который не нужно видеть, чтобы почувствовать.

Я резко открыла глаза.

Комната была пустой.

Сквозь неплотно задвинутые шторы пробивался серый утренний свет. Тишина была обычной, почти успокаивающей.

Я села и огляделась.

На тумбочке лежал телефон экраном вниз, хотя я точно помнила, что оставила его иначе. Стул у окна был придвинут ближе к столу — вчера он стоял по-другому: я ещё задела его коленом.

На спинке кресла висел плед, которым я не пользовалась несколько дней. И в воздухе будто задержался знакомый до дрожи запах.

Я замерла на секунду, потом выдохнула.

«Успокойся. Ты просто не выпалась», — сказала я себе. По ночам я слишком долго зависала в соцсетях, дни сливались, а тело жило на автопилоте. Я вполне могла сама передвинуть стул, бросить плед и перевернуть телефон, а потом забыть.

Вот до чего доводит интернет: скоро начну проклипать его создателей.

Я ушла на кухню и включила чайник. Утро выглядело обычным, но каждая мелочь казалась слишком заметной. Это был ещё не страх — скорее осадок, как после разговора, в котором от тебя скрыли что-то важное.

Он остался со мной, когда я вышла из квартиры, и не исчез даже на работе.

Весь день мне казалось, что я что-то упускаю — не факт, а едва заметный момент. Неужели я так устала, что начинаю заикливаться и сходить с ума? «Ты живёшь одна. Кроме тебя, никому было трогать вещи», — напомнила я себе. Вдох. Выдох. Стало немного легче.

Наверное, привычка всему искать объяснение появилась у меня задолго до того утра. Я слишком рано научилась жить настороже и заранее просчитывать, откуда может прийти опасность.

Меня зовут Кира. Не самое привычное имя для девочки с русскими корнями по обеим линиям, но спросить, чем руководствовались родители, я не смогу: я сирота, и первые во-

семнадцать лет моей жизни тянулись мучительно долго.

О родителях я почти ничего не знаю. Меня не отдали в детский дом, а просто подкинули. Когда меня нашли, врачи определили, что мне всего три или четыре дня, рождение не было зарегистрировано ни в одном роддоме. Иногда я думаю, что мама была совсем молодой и осталась без помощи. Есть и другие, куда менее утешительные варианты, например алкоголизм или наркотическая зависимость, но я выбираю первый.

Детский дом — тяжёлое место для ребёнка. Все восемнадцать лет я ждала дня, когда смогу уйти. Там я поняла: жизнь либо тащит тебя за собой, либо заставляет бороться с каждым новым испытанием. Поэтому нужно быть хотя бы на шаг впереди и заранее искать путь к отступлению.

Я буквально выковывала себя. Хорошо училась, отстаивала своё словами, потому что драться не умела, и бралась за любую подработку, лишь бы реже находиться в детском доме. Заведующая, Светлана Георгиевна, старалась помогать всем тем, кто к ней обращался. По моей просьбе она помогла открыть счёт, чтобы заработанные деньги никто не украл и после выпуска мне было на что снять жильё. Квартиры сиротам выдают далеко не сразу, а некоторым приходится ждать годами.

На одной из подработок я познакомилась с Глебом — таким же сиротой, только из другого детского дома. Сначала мне было не до него: у меня были планы и слишком мало вре-

мении для их реализации. Но стихи, кофе по утрам и его привычка провожать меня после смены постепенно сделали своё дело. Мы пересекались два-три раза в неделю и проработали вместе несколько лет, прежде чем начали встречаться. Мне было чуть больше шестнадцати, ему — девятнадцать. К тому времени он уже получил квартиру, что для выпускника детского дома было редкой удачей. Когда мне исполнилось восемнадцать, меня поставили в очередь на жильё и отпустили во взрослую жизнь. Светлана Георгиевна плакала и обнимала меня; остальным было всё равно. Пойти мне было некуда, и Глеб без лишних вопросов поселил меня у себя.

Примерно через два года он заговорил о детях. Мне едва исполнилось восемнадцать, я училась на менеджера проектов и вечерами работала в кофейне, где со временем стала старшим менеджером. Ребёнок совершенно не вписывался в мою жизнь. Иногда мне даже казалось, что Глеб что-то делает с контрацептивами, надеясь на «случайность».

Подруг у меня тогда не было, и единственным человеком, с которым я могла говорить откровенно, оставалась Светлана Георгиевна. Она видела во мне не очередную воспитанницу, а человека с будущим. Я рассказывала ей об учёбе, работе, Глебе и наших ссорах. Она слушала без осуждения и однажды убедила меня поставить внутриматочную спираль, подробно объяснив, чем может закончиться чужое желание привязать меня ребёнком. Сейчас я думаю, что именно это меня и спасло.

Через три года отношений начались ссоры: крики, разбитая посуда, а потом примирения с розами, конфетами и плюшевыми игрушками. Ещё через год романтика почти исчезла, зато появились агрессия, манипуляции и тотальный контроль. Глеб установил приложения для отслеживания везде, где только смог.

Однажды я оставила дома телефон, ноутбук и часы и отправилась в кино без единого гаджета — просто побыть наедине с собой. Выбрала почти пустой зал, забралась на последний ряд с ведром попкорна и впервые за долгое время расслабилась. В середине фильма Глеб ворвался в зал с криками и силой вытащил меня наружу. Я долго не могла понять, как он меня нашёл.

На потоковых лекциях я иногда общалась с ребятами с электротехнического факультета — Мишей и Пашей. Они вечерами пропадали в лаборатории среди проводов, микросхем и роботов. Услышав историю о кинотеатре, они переглянулись и попросили принести одежду и обувь, которые были на мне в тот день.

Глебу я сказала, что иду на факультатив, он поцеловал меня в макушку и пожелал удачи. В лаборатории Миша разложил вещи на столе и прошёлся по ним детектором. Возле кроссовок прибор резко запищал. Паша вынул стельку и обнаружил в углублении крошечное устройство размером всего в несколько миллиметров. Оно не мигало и не издавало звуков, но оказалось трекером. Миша сразу посоветовал об-

ратиться в полицию и прекратить отношения с «этим маньяком».

Домой я шла на ватных ногах. Мысли путались, земля будто уходила из-под ног.

Я не могла поверить, что контроль дошёл до настоящей слежки, и всё равно продолжала искать ему оправдания. Разум кричал: «Беги». Сердце уходило в пятки, руки дрожали, но решение уже созрело. Я больше не хотела быть марионеткой.

Благодаря хорошим отношениям и отличным оценкам, я смогла договориться и университет я окончила на несколько месяцев раньше. Побег планировала почти три недели и выбрала день, когда Глеб был на работе. В другой город уехала, оставив короткую записку: «Мне жаль, что всё вышло именно так. Нам не по пути. Пора расстаться и жить дальше».

Квартиру я нашла заранее. В день отъезда продала старые гаджеты и купила новые, сменила сим-карту, а вещи отправила транспортной компанией в заранее арендованную ячейку хранения. Взяла только необходимое и каждую вещь проверила детектором, который одолжили Миша и Паша. Из важных номеров наизусть я помнила только телефон Светланы Георгиевны. Этого было достаточно.

Так началась моя новая жизнь.

Теперь у меня не было ни кошки, ни парня, ни мужа, ни детей. Зато были хроническая усталость, зависимость от кофе и странная способность замечать тревогу раньше, чем она

становилась очевидной. Благодаря хорошей учёбе мне предложили работу по программе трудоустройства выпускников в нескольких городах. Я выбрала мегаполис, в который собиралась бежать, и вцепилась в этот шанс обеими руками.

В офисе было шумно.

Brand & Pulse — агентство, в котором я осела. Мы собирали компании заново: придумывали бренды, стратегии, смыслы, визуальные системы и рекламные кампании. К нам приходили, когда бизнес терял голос, буксовал или клиент переставал понимать, кем хочет быть. Нам платили не за то, чтобы «сделать красиво», а за решения, которые возвращали контроль.

Бетон, стекло и уверенные лица людей, которые делали вид, будто точно знают, как жить. Катя уже была на месте.

— Ты сегодня рано, — сказала она, не отрываясь от телефона и подходя ко мне ближе.

— Не спалось.

— Ну конечно, — усмехнулась она. — Ты у нас из тех, кто много думает.

Фраза прозвучала как шутка, но задела больше, чем должна была.

Катя была SMM-специалистом и моей коллегой. Работала хорошо, однако её едкие замечания почти всегда попадали в больное место. Я так и не поняла, почему особенно часто она выбирала мишенью меня.

— Ты опять с этим клиентом? — она скользнула взглядом по экрану моего ноутбука.

— Он сложный.

— Тебе вообще везёт на сложных, — сказала она, улыбнулась и ушла к своему столу.

Я сделала вид, что не заметила. Иногда зависть маскируется под заботу, а иногда — под шутку, после которой невольно проверяешь, всё ли с тобой в порядке.

Алина поставила рядом со мной кофе — как всегда, мой любимый, с карамельным сиропом.

— Я писала тебе вчера, — сказала она шепотом.

— Я уснула, прости.

— Всё нормально?

— Уже да. Давай поговорим в обед. У меня сейчас горит один вопрос.

Она не стала спрашивать дальше и не обиделась — только коротко кивнула и улыбнулась.

Алина работала координатором проектов.

Она первой замечала, где система вот-вот даст сбой.

Видела процесс целиком и умела удерживать его в равновесии.

Мы познакомились год назад, в мой первый месяц в агентстве, я сидела на полу переговорной с ноутбуком: стол был завален чужими вещами, а до дедлайна оставалось два часа. Алина принесла кофе и молча поставила рядом.

— Держи. Вижу, тебе сейчас не помешает кофе. Ты новенькая?

— Да.

— Я Алина. Если что — спрашивай сразу. Потом будет некогда.

Она не улыбалась, но это был не холод — это была концентрация.

Сдружились мы не сразу. Сначала просто работали, потом начали задерживаться вместе, а со временем научились понимать друг друга без лишних слов. Когда моя стажировка окончилась, Алина уже не задерживалась, так как считала, что личная жизнь должна быть у всех, ну а я решила, что хочу повышения, поэтому старалась на износ.

Алина чувствовала, когда мне нужна помощь, а когда достаточно молча поставить рядом чашку с кофе. Она держала процесс, я — смысл; если что-то шло не так, мы прикрывали друг друга без обсуждений.

Катя появилась позже.

Она была яркой, быстрой и уверенной в себе. С ней легко было смеяться и трудно — быть настоящей. Катя умела создавать ощущение близости.

Когда-то мы были ближе.

Настолько, что я позволяла ей знать обо мне почти всё, теперь — нет.

Я перестала делиться, потому что научилась чувствовать разницу между интересом и участием.

В 10:43 пришло сообщение от Алексея:

«Освобожусь через 15 минут после летучки. Подойди ко мне. Важно».

На летучке не произошло ничего необычного: срочные задачи, сроки, привычные вопросы. Через полчаса все разошлись по местам.

Алексей — генеральный директор: высокий, темноволосый, спортивный, уверенный и расчётливый. За таким мужчиной действительно можно было почувствовать себя как за каменной стеной. Иногда я поражалась, как он справляется со всем в одиночку, и ловила себя на странной тревоге за него, хотя внешне у него было всё: любимое дело, деньги и полный контроль над собственной жизнью. Можно сказать, что он был похож на хищника, когда он злился, его глаза меняли цвет с карего до черного цвета, было жутко.

Когда он болел или уезжал в командировки, мне становилось грустно, но как оказалось не мне одной, вокруг него вились сотрудницы на любой вкус, но он всегда был холоден ко всем, на его лбу как будто не хватало бегущей строки «работа-работа и только работа». Я ещё не понимала, что это — увлечение, привязанность или нечто большее, поэтому каждый раз останавливала себя. Мне нравилась работа, я хотела стать руководителем отдела, и помутнение рассудка было совсем некстати.

Мы часто оставались в офисе последними и иногда устраивали короткие чаепития или перекусы, чтобы хотя бы ненадолго вынырнуть из работы.

За год я так и не узнала его до конца. Алексей мог рассказать историю из жизни, но чаще всего ту, что уже была опубликована в интервью. Всё личное он будто хранил в запертом ящике.

Он входил в рейтинг ста самых завидных холостяков Москвы, поэтому неудивительно, что не спешил изливать душу. Но когда я делилась своими историями, мне хотелось узнавать о нём что-нибудь настоящее — то, чего не было в интернете. Однажды я сказала это вслух. Он удивлённо поднял брови, я тут же опустила глаза, и между нами повисло неловкое молчание. Потом Алексей хитро улыбнулся и пообещал подумать. Мне стало стыдно за собственную настойчивость, и я почти сбежала из столовой.

К вечеру внутри снова сжался тугой узел. Казалось, что вот-вот что-то сдвинется — и назад дороги уже не будет.

Я закрыла ноутбук, допила остывший кофе и начала собираться домой.

Перед уходом всё-таки заглянула к Алексею попрощаться. Он поднял голову от ноутбука и спросил, всё ли в порядке. Я ответила, что да, но по его взгляду поняла: он не поверил.

Глава 2. То, что остаётся внутри (Алексей)

Она ушла и оставила осадок, который повис в воздухе. В пустом кабинете неожиданно нахлынули воспоминания. Давно я никому ничего не рассказывал, старался жить настоящим.

Детство я вспоминал редко. Не потому, что оно было плохим. Наоборот — слишком хорошим. Иногда жизнь действительно делится на две части: до одного дня и после.

Я был ребёнком, о котором взрослые говорили с тихой гордостью: спокойный, собранный, слишком серьёзный для своего возраста.

Учился прилежно. Гением не был, но привык стремиться к максимуму — наверное, это досталось от родителей.

Математика, экономика, языки складывались для меня в понятную систему, а система успокаивала. Родители шутили, что я управляю классом, хотя был всего лишь старостой. Больше всего времени занимал спорт. Отец считал, что мужчина должен уметь держать удар — и не только в переносном смысле. В шесть лет он отвёл меня на дзюдо, через год добавился бокс. Сначала я тренировался ради него, потом ради себя. На татами и в ринге всё становилось простым: движение, удар, дыхание. У меня были медали с городских и областных турниров — ничего великого, но родители ими гордились.

Одну из первых медалей отец повесил в кабинете. «Напоминание, что дисциплина работает», — сказал он. Brand &

Pulse появился в моей жизни ещё раньше, чем я понял, что такое бизнес. Для меня это был офис, где пахло кофе и бумагой, мама часами говорила о брендах, а отец — о стратегиях.

Я рос среди переговоров, презентаций и споров о смыслах. Родители много работали, но не выглядели несчастными. Они строили компанию и, кажется, действительно любили эту жизнь.

Отец сравнивал бизнес с шахматами: если играешь правильно, удовольствие начинает приносить сама партия. Поэтому после школы вопрос «куда дальше» почти не обсуждался. Я хотел продолжить их дело.

Баллы позволяли выбирать любой университет, и отец предложил посмотреть мир. Меня отправили учиться за границу — не потому, что российское образование было хуже, а потому, что он хотел показать мне другие рынки и культуры.

— Вернёшься — продолжишь дело, — сказал он.

Это звучало естественно, как передача эстафеты, а не давление. Учёба и стажировки заняли около семи лет. Отношения в мой план не входили: редкие свидания и встречи, которые я обрывал через две-три недели, прежде чем успевал привязаться. Я решил, что о личной жизни подумаю после того, как возглавлю компанию.

Я стажировался в разных компаниях — от самых низких позиций до управленческих. Отец настаивал, что руководитель должен знать, как выглядит работа снизу. Мы созванивались 2-3 раза в неделю: мама спрашивала, нормально ли

я ем, отец — какие ошибки успел совершить. В день возвращения мой самолёт приземлился вечером. Я написал: «Я прилетел», но ответа не получил. Когда позвонил сам, трубку взял полицейский. Из его слов в памяти остались только дождь, машина и грузовик на встречной полосе. В больнице пахло антисептиком, а врач слишком долго подбирал слова. Родителей не стало. Похороны прошли как чужой фильм. Потом я вернулся в дом, где всё осталось на своих местах: отцовская кружка, мамин блокнот, открытый ноутбук в кабинете — и Brand & Pulse, компания, которую они строили почти тридцать лет. Первые месяцы были тяжёлыми не из-за работы, а из-за тишины. Дом стал слишком большим, ночи — слишком длинными. Тогда я сделал единственное, что умел: начал работать. Сначала по десять часов, потом ещё больше.

Работа заполняла пустоту и не оставляла времени оставаться. Компания становилась сильнее, а я — жёстче. Наверное, просто перестал разрешать себе слабость. Есть вещи, которые невозможно контролировать: аварии, потери, смерть. Но решения, процессы и работу можно удерживать в руках. Этому я и научился.

Годы шли почти одинаково. Компания росла, проекты менялись, люди приходили и уходили. Мне казалось, этого достаточно. А потом в офис пришла Кира.

Сначала я заметил только то, как она работает: спокойно, цепко, без желания кому-то что-то доказывать. Она выпол-

няла задачи так, будто от результата зависела её жизнь. Первые полгода я проверял её особенно тщательно, затем начал доверять самые сложные проекты — те, где нужно было не просто выполнить поручение, а увидеть слабое место и удерживать всю систему. Она справлялась. В ней была та же внутренняя жёсткость, которую я привык считать своей, и именно это начало меня цеплять.

Потом появились чувства, которым я долго не хотел давать название. Когда её не было в офисе по разным причинам, дни тянулись втрое дольше. Мне хотелось хотя бы раз в день видеть или слышать её. Стоило решить, что пора отстраниться, как она сама заходила с документами, которые могла отправить по почте, или предлагала выпить чаю. Я не понимал, была ли это обычная вежливость, одиночество или что-то ещё. Но рядом с её жёсткой хваткой удивительным образом уживались тепло и доброта — та человечность, которой я сам себя лишил после смерти родителей. И впервые за много лет мне захотелось подпустить кого-то ближе, но один вопрос всё не покидал меня, нужно ли это ей.

Глава 3. Люди, которые держат систему. (Кира)

В Brand & Pulse у каждого была своя роль.

Но не у всех — вес.

Я была бренд-менеджером и вела проекты от первой рас-
терянности клиента до момента, когда система начинала ра-

ботать без моего участия. Анализ рынка, стратегия, целевая аудитория, смыслы, правки, переговоры, тушение пожаров — и разговоры, которые никогда не попадают в протоколы.

Алексей это знал, поэтому самые сложные проекты чаще всего отдавал нам с Алиной.

Иногда он просто останавливался у моего стола:

— Кир, посмотри. Тут не сходится.

Я находила слабое место и возвращала ему уже готовое решение.

С Алиной было иначе: её подключали, когда начинал ломаться сам процесс, она сразу выявляла задержки и риски в текущей работе, и оперативно расставляла задачи, чтобы устранить их.

Алексей не перепроверял каждую мелочь — лишь уточнял состояние срочных задач и ждал результат.

Такое доверие появилось не сразу, и тем ценнее оно было теперь.

Я посмотрела на экран — почта уже заполнялась письмами.

Алина кивнула в мою сторону:

— У тебя сегодня снова «тот самый»?

— Да.

— Удачи. Алексей в хорошем настроении.

Я усмехнулась: Алексей редко бывал в плохом настроении.

Он просто был требовательным — к себе и к другим.

С ним не хотелось выглядеть слабой. Меня восхищали его упорство и точность, и иногда я ловила себя на опасной мысли: вот бы рядом был такой мужчина.

Я взяла блокнот, встряхнулась, прогнала эту мысль и направилась к его кабинету.

Глава 4. Вес решений. (Алексей)

Мой кабинет всегда выглядел так, будто в нём не задерживаются надолго.

Минимум вещей, аккуратный стол, ни одной лишней детали.

— Заходи, — сказал я, не поднимая головы от планшета.

Кира закрыла дверь и встала напротив стола, не садясь.

Выглядела она как всегда безупречно, но в этот раз двигалась слишком собранно, словно контролировала каждую мелочь, как робот.

— Устала?

— Сосредоточена.

Я кивнул и продолжил наблюдать. Обычно я не нарушал чужих границ, но её напряжение не давало мне покоя.

— Садись. Расскажи, что у нас с проектом «Раковые».

Она села, открыла блокнот и начала раскладывать проект по пунктам — сильные стороны, риски и возможные решения.

У Киры всегда была полная картина: входные данные, последствия и несколько вариантов развития событий.

— Клиент не понимает, кто он, — начала она. — Он хочет выглядеть масштабно, но боится выйти за рамки привычного. Их аудитория выросла, а мышление — нет.

— Вывод?

— Или мы меняем позиционирование, или через полгода они останутся на том же месте. А возможно, начнут терять рынок и вернуться с тем же запросом, только цена ошибки будет вдвое выше.

Я слушал и одновременно пытался понять, что с ней происходит. Без оценки — просто наблюдал.

— Ты уверена?

— Да.

Тишина продлилась всего несколько секунд, но Кира сидела неподвижно, будто боялась моргнуть, пока ждала моего решения.

— Хорошо. Тогда ведёшь их до конца, без компромиссов. Покажи, почему перемены необходимы, иними с них розовые очки.

— Им будет неприятно это услышать. Но я подготовлю аргументы.

— Зато эффективно.

Я откинулся на спинку кресла. Проект обещал быть непростым.

— Ты понимаешь, почему я это тебе отдаю?

Она опустила глаза, но не стала отвечать сразу.

Я не любил автоматическое «потому что вы мне доверяете». Мне было важно, чтобы человек понимал свою роль и ответственность.

— Потому что мне не нужно объяснять каждый шаг. Я вижу картину и понимаю, зачем это делать, — ответила Кира. — И не отступлю, когда они начнут сомневаться.

Я чуть кивнул. Почти незаметно.

— Именно.

Это было не комплиментом, а признанием её компетентности.

Я пролистал ещё несколько страниц на планшете и снова поднял на неё глаза.

— Ты сегодня... не такая, как обычно.

Она подняла взгляд.

— В каком смысле?

— Напряжённая.

Она могла солгать или выбрать удобный ответ. Я следил за реакцией, хотя понимал, что захожу дальше рабочих границ.

— Бывает утро, после которого дни идут иначе, — ответила она.

Я задержал на ней взгляд дольше, чем позволял рабочий разговор.

— Если что-то мешает работе или тебе нужна помощь, скажи.

— Всё... всё нормально.

Ответ оставил неприятное ощущение недосказанности, но дальше расспрашивать я не имел права.

— Хорошо. Как скажешь.

Когда она собралась уходить, я добавил:

— Кир.

Она обернулась.

— Не бери на себя больше, чем можешь вынести. Если станет тяжело — скажи. Я помогу.

Фраза повисла между нами.

Слишком личная для формального разговора. Я и сам не понял, почему сказал это вслух.

Но случайной она не была.

— Учту, — сказала она.

Я проводил её взглядом. Обычно Кира казалась нестигаемой, а сегодня в этой уверенности появилась едва заметная трещина.

Глава 5. Контраст. (Кира)

Я уже собиралась зайти в переговорку, когда Алина подняла голову от экрана.

— Клиент уже пришёл, — сказала она. — Алексей просил сразу проводить его в переговорку, так что я пошла.

— Новенький?

— Да. Проходи, он всё расскажет, я тоже через минуту приду.

В переговорной уже все собрались. Я не сразу поняла, почему обратила внимание на нового клиента: возможно, из-за роста, а может, из-за того, как спокойно он двигался — без суеты и желания занять собой всё пространство.

— Коллеги, — сказал Алексей, коротко кивнув в нашу сторону. — Знакомьтесь. Это Сергей Владимирович. Клиент по новому направлению.

Сергей перевёл взгляд на нас и слегка улыбнулся.

— Добрый день.

Голос был приятный и бархатистый, немного завораживающий.

Я открыла презентацию — в этот момент всегда легче, когда можно опереться на структуру.

Новым направлением оказалась нишевая парфюмерия. Сергей запускал бренд с нуля и искал агентство, способное создать не просто упаковку и рекламу, а узнаваемое ощущение — след, который остаётся после первого знакомства. Репутация и качество выполняемой нами работы было на высоте, именно поэтому Алексей подключил нас.

Мы обсудили цели, форматы и риски. Сергей задавал много точных вопросов и явно подготовился заранее — редкое качество среди клиентов. Несколько раз я ловила себя на том, что отвечаю ему свободнее обычного, не выстраивая каждую формулировку заранее.

— А если аудитория не примет такую подачу? — спросил он.

— Тогда, возможно, она не ваша, в любом случае мы не отступим, всегда есть те кто за и против, — сказала я.

Он хмыкнул — не раздражённо, скорее с интересом.

— Прямо.

— Это сработает, — вмешался Алексей.

После встречи Алексей извинился и вышел первым, уже отвечая на звонок. Когда дверь закрылась, я только тогда заметила, что всё это время была напряжена.

Сергей задержался.

— Вы всегда так работаете? — спросил он.

— Как?

— Не стараетесь понравиться.

Я пожала плечами.

— Я делаю всё, чтобы схема работала и приносила прибыль.

— Тогда, думаю, мы продолжим.

Он протянул мне визитку и улыбнулся.

— Звоните, если появятся вопросы. Или если станет скучно. И кстати, прелестно выглядите.

Я удивлённо подняла взгляд. Сергей подмигнул и ушёл, пока я рассматривала визитку.

Я вернулась к столу и поймала взгляд Кати. Она смотрела внимательно — с интересом, который появляется раньше комментариев.

— Кажется, ты произвела впечатление, — сказала она.

— Мы обсуждали проект.

— Конечно, — улыбнулась она. — Всё всегда начинается именно так.

Я не стала отвечать на провокацию, просто отвернулась к экрану.

Глава 6. Необычное чувство (Алексей)

Работы было столько, что день поминутно был расписан под встречи, письма и срочные правки. Но разговор с Кирой в моём кабинете всё равно не выходил из головы: она явно что-то скрывала, и впервые мне было трудно убедить себя, что это не моё дело.

День пролетел, а в офис я вернулся около пяти, разобрал накопившуюся почту и пересмотрел несколько презентаций. К половине седьмого все разошлись, а мы с Кирой снова остались вдвоём. На этот раз я не стал ждать её привычного предложения выпить чаю и подошёл сам.

— Кир, может, сегодня уйдём пораньше?

На секунду в её лице мелькнуло смущение.

— Алексей, мне ещё минут пятнадцать. Сергей прислал дополнительные материалы, хочу закончить.

— Стоп, а откуда у тебя его почта? Вы уже переписываетесь?

— По проекту. Он оставил визитку.

Я вспомнил, как Сергей задержался после встречи, и внутри появилось неприятное чувство.

— Только по проекту?

— Он ещё предложил звонить, если станет скучно.

Она сидела с горящими глазами и улыбалась так, будто намеренно меня провоцировала. Я понимал, что не имею на неё никаких прав, но внутри всё равно болезненно кольнуло. словно кто-то тянулся к тому, что я уже считал своим.

— Если станет одиноко, можешь позвонить и мне.

Кира удивлённо распахнула глаза, а затем покраснела.

— Хорошо. Буду иметь в виду, что у меня теперь два контакта на случай одиночества.

Ответ задел сильнее, чем должен был.

— Поехали домой. Могу подвезти.

— Я сама. Спасибо.

Но по её выражению лица мне казалось, что отказ был из вежливости.

— Хорошо. Но рабочий день закончен. Я поставлю офис на сигнализацию, а у тебя две минуты на сборы. Встретимся у лифта.

— Но...но я ведь...ох, ладно.

Я закрыл кабинет, поставил офис на сигнализацию, и мы встретились у лифта.

Офис находился на пятнадцатом этаже. Мы успели спуститься до десятого, когда свет погас.

Лифт резко дёрнулся, и Кира схватила меня за руку.

Хватка у неё оказалась сильной, несмотря на хрупкое телосложение. Я перехватил её ладонь, не давая потерять рав-

новесие.

Свет мигнул ещё раз и исчез окончательно. Кира напряглась.

— Спокойно, — сказал я тихо. — Всё нормально.

Она ничего не ответила, только сжала мою руку сильнее и несколько раз нажала кнопку вызова диспетчера. В ответ — тишина.

— Отлично, — тихо выдохнула она. — Просто идеально.

— Сейчас сработает.

Я нажал кнопку вызова диспетчера.

Гудок. Тишина.

Потом — щелчок.

— Диспетчер, слушаю, — наконец отозвался голос.

Кира нахмурилась.

— Мы застряли, — сказала она. — Между этажами.

Пауза. Секунда. Две.

— Ожидайте, — ответил голос и отключился.

Кира буквально замерла.

— Вы заметили? — тихо спросила Кира.

— Что?

— Диспетчер ничего не спросил.

Я включил фонарик на телефоне и осмотрел панель, надеясь найти инструкцию или номер аварийной службы. Ничего — только обшивка и кнопки.

— Возможно, система сама показывает, из какого здания и лифта поступил вызов.

— Возможно, — повторила она, но легче ей не стало.
Мы замолчали.

Кира всё ещё держала меня за руку.

Только теперь, кажется, поняла это.

Ослабила хватку, но не отпустила.

Снаружи раздались медленные шаги.

Кира замерла и будто перестала дышать. Похоже, за этой реакцией стояло что-то, о чём она не хотела говорить.

— Слышите? — прошептала она.

— Да.

Прямо над нами шаги остановились.

— Помогите! Мы здесь! — крикнула Кира.

Свет моргнул и на минуту вернулся. Кира резко подняла голову, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь через щель над дверями.

— Может, это мастер или охранник? Эй, мы здесь!

Ответом стал медленный скрежет по металлу кабины.

Кира вздрогнула, спряталась за моей спиной и вцепилась в пиджак. Я повернулся, притянул её к себе и почувствовал, как бешено колотится её сердце.

— Всё нормально, — сказал я тихо, проводя ладонью по её спине.

Скрежет оборвался, и почти сразу лифт снова дёрнулся. Свет погас.

В темноте раздался звук, будто кто-то медленно провёл ладонью по дверям кабины. Я отметил время и попытался

вспомнить расположение камер. Это всё ещё могло быть совпадением, но молчаливый диспетчер, шаги, скрежет и отсутствие охраны складывались в слишком странную картину.

Свет вернулся. Лифт тронулся. Кира резко отпустила меня и сделала шаг назад.

— Это... — начала она.

Я молчал и ждал, пока она хоть что-то скажет.

— Простите, я не специально.

Её извинение сбило меня с толку. После гибели родителей я почти никого не подпускал близко, не говоря уже об объятиях, но сейчас это не казалось неправильным.

— За что ты извиняешься? Всё хорошо.

Страх уже отпускал её, уступая место смущению. Щёки заметно порозовели.

— Вы не подумайте, я обычно умею держать себя в руках.

Я не удержался от улыбки.

— Да, я заметил. У каждого есть свои страхи. Или дело было не только в лифте?

Она на мгновение опустила глаза.

— Пожалуйста, давай не будем об этом.

Что-то явно её преследовало — воспоминание, человек или реальная угроза. Но Кира не хотела говорить, а я не собирался превращать заботу в допрос.

Через несколько минут двери открылись на первом этаже. Я вышел первым, сразу следом она. Холл был пуст: ни охраны, ни людей, а на камерах не горели индикаторы работы.

— Мне ведь не показалось? Там действительно кто-то был?

— Не показалось. И это вряд ли был мастер.

Она сжала губы, я нажал кнопку лифта ещё раз.

— Что вы делаете? — резко спросила она.

— Проверяю.

Двери открылись почти сразу, будто лифт и не ломался. Из-за угла появился охранник, и я подошёл к стойке.

— Алексей Павлович, у нас сегодня весь день сбои.

— Когда начались?

— Ближе к пяти. А что случилось?

— Сегодня приходил кто-нибудь посторонний?

— Уборщица и сотрудник службы обслуживания лифтов. Всё как обычно.

— Вы запомнили его?

— Не особо. Он был в капюшоне, показал документы и сказал, что проверка плановая.

— Имя и фамилия есть в журнале?

— Сейчас... Сергей Фёдорович Пылкин.

— Он сам расписывался?

— Конечно. Но журнал за день трогают десятки людей, отпечатки там искать бесполезно.

— Понял. Завтра проверьте камеры и свяжитесь со службой обслуживания.

Я повернулся к Кире, она стояла, обняв себя обеими руками и прикусив губу.

— Поехали, я тебя отвезу.

Она не стала спорить, только кивнула и назвала адрес.

Мы ехали в полной тишине. Я не хотел давить вопросами, хотя Кира всё ещё выглядела испуганной. Когда до её дома оставалось около километра, всё-таки заговорил.

— Есть кто-то, кто тебя встретит?

— Нет.

— Может, парень или подруга? Вечер выдался тяжёлым.

— Подруга занята, парня нет.

Мне хотелось помочь, но я не знал, как сделать это, не нарушая её границ.

— Что ты собираешься делать?

— А что мне ещё делать? Пойду домой, попробую уснуть. Может, почитаю или включу фильм.

Она отвечала спокойно, но уверенности в голосе не было.

— Хорошо. Если что-нибудь понадобится — звони.

Кира вышла, а я дождался, пока она скроется в подъезде. Впервые за долгие годы один короткий вечер вызвал во мне столько разных эмоций. Я не имел права требовать от неё объяснений и всё ещё допускал, что странный человек мог прийти не из-за неё, а из-за меня. Оставалось только поехать домой и ждать результатов проверки.

Глава 7. Почти совпадение (Кира)

Утро и день в офисе пролетели быстро. Люди из охранно-

го агентства проверили лифт, журнал посещений и записи с камер. Служба обслуживания не подтвердила сотрудника с фамилией, указанной охранником, но лицо человека в капюшоне на записи разобрать не удалось.

Из-за сбоя камер и отсутствия других следов происшествие официально списали на перебои. Меня это не успокоило: я всё сильнее боялась, что к случившемуся мог быть причастен Глеб. Он ладил с техникой, любил преследовать, а особенно взламывать системы. Но может быть я себя накручиваю и чего это я вообще про него вспомнила, его нет в моей жизни уже долгое время. А может это вообще не за мной, а за Алексеем приходили, просто так совпало, что мы были в лифте вдвоём и поэтому этот человек отступил или это было предупреждение?

Только к вечеру удалось немного расслабиться и выдохнуть, офис почти опустел. Пятница всегда делала это незаметно — сначала исчезали разговоры, потом люди, и только работа оставалась на своих местах.

Я сидела за ноутбуком и правила текст по парфюмерному проекту, когда услышала шаги за спиной.

— Кир, я убегаю, — сказала Алина.

Я подняла голову.

— Куда?

Алина на секунду замялась, потом покраснела и расплылась в улыбке.

— На свидание? Да ладно.

— Да-а-а.

Она стояла на месте, чуть покачиваясь, будто не могла решить — уйти или ещё немного постоять. Было видно: она взволнована, и это волнение ей шло.

— С тем, о ком рассказывала в прошлый раз? — спросила я.

— Ага, — кивнула она и засмеялась. — Наконец-то.

Я улыбнулась в ответ.

— Тогда, конечно, беги.

— Но ты не переживай, — добавила она уже серьёзнее. — Я помню про нашу традицию. Вечер кино я не пропущу. В девять, максимум в десять буду у тебя.

Мы и правда так делали почти каждую неделю. Иногда с вином, иногда с чаем и фильмами.

— Тогда договорились, — сказала я.

— Конечно.

Катя, проходя мимо, замедлила шаг и посмотрела на Алину.

— У тебя сегодня хороший настрой, — сказала она с лёгкой улыбкой.

— Да, — ответила Алина. — Есть причина.

Катя бросила на неё короткий взгляд и кивнула, словно что-то отметила про себя. Она понимала, что прежней близости между нами больше нет, и это её раздражало.

— Ну что ж, удачи, — сказала она и пошла дальше.

Алина махнула мне рукой и ушла, всё ещё улыбаясь.

Я вернулась к экрану.

Следом начала собираться и Катя. Через несколько минут офис окончательно опустел.

Я дописала абзац, перечитала его и закрыла файл. От усталости правки уже перестали складываться в смысл.

В тишине были слышны только скрип кресла, щелчки мыши и стук моих каблучков. Даже кондиционер выключили — здание готовилось ко сну.

Я посмотрела на часы.

18:30

До девяти было ещё немного времени.

Я могла поехать домой, могла остаться здесь или написать АLINE что-нибудь нейтральное — «как ты?» или «удачи».

Я не сделала ни того ни другого. Снова открыла презентацию Сергея, прошлась по спорным местам и продумала аргументы на случай возражений. Закончив, собрала вещи и вышла из офиса предпоследней. Алексей ещё работал, я заглянула попрощаться и направилась к лифту.

В лифте было пусто и тихо. На этот раз ничего не происходило, но в голову вдруг снова пришла эта мысль: а что, если и правда человек в капюшоне охотился не за мной, а за Алексеем? От этого по спине пробежал холод. На мгновение захотелось вернуться и проверить, всё ли с ним в порядке. «Кира, он взрослый мужчина и умеет о себе позаботиться», — одёрнула я себя. Двери открылись на первом этаже, и я вышла на прохладную улицу.

По дороге домой я поняла, как сильно жду нашего вечера с Алиной. К восьми я уже была в квартире.

Квартира встретила тишиной, к которой я привыкла, но сегодня она казалась слишком заметной. Я включила свет не сразу — сначала постояла в коридоре, прислушиваясь, будто могла что-то упустить.

Ничего.

Я переоделась, поставила вино в холодильник и бросила на диван огромный плед, которым можно было накрыть троих. Фильм выбрала заранее — один из тех, что можно смотреть вполглаза и всё равно знать финал. Телефон лежал рядом и молчал. В 20:37 я написала Алине: «Ты как?»

Сообщение было прочитано почти сразу, но ответ я не получила.

Я решила, что они, возможно, долго прощаются после свидания, и больше не писала. Приедет — сама всё расскажет.

К девяти я снова посмотрела на телефон. Сообщение было доставлено, но ответа не было. Я включила фильм без звука и попыталась убедить себя, что Алина просто задержалась на свидании.

Внутри шевельнулась не тревога, а настороженность.

Как будто день, который уже должен был закончиться, решил задержаться.

К 21:40 телефон всё ещё молчал. Я прошлась по комнате и остановилась у окна. Во дворе было спокойно, но именно

эта обычность почему-то настораживала.

В 21:42 телефон завибрировал. Вызов оборвался почти сразу — будто на другом конце передумали звонить.

На экране остался пропущенный с незнакомого номера. Звонок длился всего несколько секунд.

Первая мысль: Алина. Но зачем ей звонить и сразу сбрасывать?

Вторая мысль была разумнее: она бы написала сообщение.

Я открыла список вызовов ещё раз, будто за эти пару секунд что-то могло измениться.

Новых вызовов не появилось. Перезванивать я не решилась.

Я положила телефон экраном вниз — машинально, как делают, когда хотят дать себе паузу. И только потом заметила, что рука задержалась на нём чуть дольше, чем нужно.

Фильм всё ещё шёл. На экране кто-то что-то говорил, но звука по-прежнему не было.

Я встала, налила воды и вернулась на диван.

В голове возникали всё более неприятные версии, и я старательно от них отмахивалась.

Это мог быть курьер, ошибка номера или автоматический обзвон. Я почти убедила себя, но всё равно перевернула телефон экраном вверх и положила рядом.

И когда в 21:50 пришло сообщение от Алины — «Я задержусь. Напишу позже» — облегчение было слишком коротким.

Я с облегчением выдохнула, поставила фильм на паузу и начала бездумно листать новости.

В 22:20 раздался знакомый стук: два коротких удара, пауза и ещё один. Алина знала код домофона, поэтому сразу поднялась к двери.

— Прости, — сказала она с порога. — Я задержалась.

Она выглядела чуть взволнованной.

— Всё нормально, — сказала я. — Проходи.

Она сняла куртку, разулась и уже направилась в комнату, но вдруг остановилась.

— Кир... Это было у тебя в двери. Я сначала подумала, что реклама.

В её руке был сложенный вдвое белый лист. Без конверта, подписи и каких-либо отметок.

— У меня? — переспросила я.

— Да. Воткнуто в щель входной двери.

Она протянула мне сложенный листок, бумага была тёплой — от её рук.

— Ты его читала? — спросила я.

— Нет, — она покачала головой. — Решила, что это личное. Захочешь — сама расскажешь.

Я развернула лист. Почерк оказался знакомым, и всё внутри сжалось.

Всего одна строка.

«Ты всё ещё забываешь закрывать дверь.»

Я сложила лист дрожащими руками. Перед глазами вспыхнули все случаи, когда Глеб обвинял меня в том, что я не закрыла дверь.

— Что это? — спросила Алина.

— Не знаю, — сказала я.

И это была почти правда.

Мы стояли молча. Плед лежал на диване, фильм застыл на паузе, и привычная квартира вдруг перестала казаться безопасной. Мысли понеслись одна страшнее другой: он знает мой адрес; он мог приходить раньше; мог оставить камеры или снова спрятать в вещах трекер.

Я вспомнила утреннее ощущение чужого присутствия, перевёрнутый телефон, сдвинутый стул и плед не на своём месте, а еще лифт.

От этого стало по-настоящему холодно.

Глава 8. Назвать вещи (Кира)

Алина положила письмо на кухонный стол и долго смотрела на меня.

— Кир, — сказала она тихо. — Ты знаешь, кто это?

Я провела языком по пересохшим губам.

Ответ лежал передо мной — в одной фразе, в знакомом наклоне букв и в мерзкой привычке оставлять мысль незаконченной, чтобы самое страшное я додумала сама.

«Ты всё ещё забываешь закрывать дверь.»

Не «привет», не «я вернулся», не «я нашёл тебя».

Глеб никогда не начинал с очевидного. Он заходил сбоку: сначала заставлял меня почувствовать вину, а уже потом давал понять, что пугает.

— Я не уверена... Но, скорее всего, знаю, — сказала я.

Голос прозвучал чужим. Алина смотрела на меня внимательно.

— Это не ответ.

Я усмехнулась, но вышло криво.

— Я знаю.

Я взяла лист двумя пальцами, будто он мог оставить след на коже, и развернула снова. Буквы расплывались. Я не хотела плакать — только не опять.

— Он всегда так писал, — сказала я наконец. — Не до конца. Как будто бросал фразу и ждал, что я сама дострою остальное.

— Глеб?

Имя прозвучало слишком громко, хотя Алина сказала почти шёпотом.

Я закрыла глаза. Вот оно — имя, которое я так долго не произносила вслух.

Не воспоминание. Не просто бывший. Не ошибка юности. Человек, от которого я сбежала, сменив город, номер, работу и почти всю жизнь.

Глеб.

Я кивнула.

— Кир.

— Да, — выдохнула я. — Да. Похоже на него.

Алина медленно опустилась на стул.

— У тебя что-нибудь осталось? Открытки, записки... хоть что-то с его почерком?

Я хотела сразу сказать «нет».

«Нет» означало бы, что сравнивать не с чем и можно ещё немного сомневаться. Но это было бы ложью.

Я вспомнила коробку в дальнем ящике. Странно: я так тщательно бежала от прошлого и всё же привезла с собой его открытки, записки и фотографии с подписями.

— Есть, — сказала я.

Алина ничего не ответила, лишь нахмурилась и покачала головой.

В комнате было темно. Я не включила свет — казалось, при ярком освещении всё станет ещё реальнее. В нижнем ящике комода под документами и старым ежедневником лежала небольшая картонная коробочка. Когда-то в ней хранилась версия моей жизни, в которой я всё ещё пыталась оправдывать Глеба.

Я поставила коробку на кухонный стол рядом с новым письмом. Алина посмотрела на неё так, будто понимала: сейчас мы откроем не вещи, а прошлое.

Внутри лежали открытки. Несколько сложенных листов.

Пара записок на обрывках бумаги. Старые, ненужные, почти смешные, если не помнить, от кого они.

— Он писал стихи, — сказала я, не глядя на Алину. — Ты знаешь. Я рассказывала.

— Помню, ты рассказывала.

— Тогда мне казалось, это романтично.

Я достала первую открытку.

На открытке было море. Глеб подарил её без повода: пришёл после моей смены с капучино и улыбался так, будто я была единственным человеком в мире. Тогда это казалось счастьем.

Я разложила несколько открыток рядом с письмом. Алина не читала их вслух — только сравнивала почерк. По её лицу я увидела сначала сосредоточенность, затем сомнение, а потом то выражение, после которого объяснения уже не нужны.

— Похоже, — сказала она тихо.

— Похоже?

— Кир...

— Посмотри на наклон. На эту букву «д» с длинным хвостом. На расстояние между словами и нажим к концу строки. Он всегда сильнее давил на ручку, когда злился.

Я говорила быстро, слишком быстро. Алина накрыла мою руку своей.

— Стоп.

Я замолчала и только тогда поняла, что у меня дрожат

пальцы.

— Дыши, — сказала она.

— Я дышу.

— Нет. Ты объясняешь.

Я опустила взгляд на стол: старые открытки, новое письмо и один и тот же почерк. Я осталась прежней — изменился только адрес.

— Я ведь сделала всё, чтобы он меня не нашёл, — сказала я. — Начала новую жизнь и не оставила ему ни одного очевидного следа.

— Ты сделала всё, что могла.

— Значит, этого оказалось мало.

Алина сжала мою руку.

— Нет. Значит, он больной.

Она сказала это спокойно, без драматизма, и мне стало немного легче. Я слишком долго называла происходящее ревностью, любовью, тревожностью, сложным характером и страхом потерять.

Алина произнесла то, чего я сама боялась: он болен, и дело не во мне.

— Я столько раз думала, что сама виновата. Что нужно было уйти раньше, не давать ему столько власти, не рассказывать, где я, с кем и почему задержалась.

— Ты была в отношениях, Кир. Не на допросе.

Я усмехнулась.

На кухне стало тихо. Чайник давно остыл, фильм стоял

на паузе, а яркий домашний плед на диване напоминал, что этот вечер должен был быть обычным.

Я взяла одну из старых записок: «Ты опять забыла написать, что дошла. Я волновался».

Я вспомнила, как тогда извинялась, хотя просто ехала в метро.

На другой было: «Ты такая рассеянная без меня». Раньше я улыбалась этой фразе. Теперь меня передёрнуло.

Ещё одна: «Я не контролирую. Я забочусь». По коже прошли мурашки, и я положила записку обратно.

— Господи, — прошептала Алина.

— Да.

Сочувствие в глазах Алины сменилось злостью.

Чистой злостью человека, который видит несправедливость и не собирается делать вид, что всё нормально.

— Он писал это тебе постоянно?

— Не только писал. Говорил тоже.

— И эта фраза про дверь...

— Его любимая тема, — сказала я. — Пару раз из-за усталости я забыла закрыть дверь. Я могла закрыть дверь, но если ему нужно было начать ссору, он говорил, что я забыла. Что я невнимательная. Что меня нельзя оставлять одну, потому что я не умею заботиться о себе.

Я сглотнула.

— И знаешь, что самое мерзкое? Иногда я действительно начинала проверять. По пять раз. Возвращалась с улицы,

чтобы дёрнуть ручку. Просыпалась ночью и шла к двери. Потому что вдруг он прав? Вдруг я правда забыла?

Алина прикрыла рот ладонью. В глазах горела злость, но она сдерживалась, чтобы не сказать лишнего.

— А сегодня он пишет это, — я кивнула на лист. — И я снова хочу пойти проверить замок. Хотя знаю, что закрыла.

— Значит, мы проверим, если нужно, не переживай, я с тобой, — сказала она.

— Мы не будем сидеть и сходить с ума. Сначала проверим дверь и квартиру. Потом подъезд. Утром поговорим с консьержем и узнаем, кто входил. Если есть камеры — попросим предоставить запись.

Я слушала её и чувствовала, как внутри появляется не спокойствие — до него было далеко, — а опора, которой раньше мне не хватало.

— А если это он? — спросила я.

Алина посмотрела прямо.

— Тогда будем действовать. Сохраним всё, что можно, и обратимся в полицию. С этим нужно заканчивать, пока он не зашёл ещё дальше.

Я уже не могла сдерживать всё в себе и решила рассказать Алине ещё и про лифт, она лишь прикрыла рот рукой и ужаснулась.

Я снова посмотрела на письмо. Одна строка отняла столько сил, будто Глеб действительно стоял за дверью и ждал, когда я открою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.